



ОДИНОЧЕСТВО
В ЭПОХУ
СВЯЗИ

Калинин А.В.

Александр Калинин

Одиночество в эпоху связи

<https://litres.ru/73952383>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они постоянно на связи — сообщения, стримы, звонки, уведомления.

Но с каждым годом всё дальше друг от друга.

Атмосферный современный роман о людях, которые живут среди бесконечного цифрового шума и пытаются снова научиться быть настоящими.

Художник, стример, девушка, которая впервые за много лет начинает писать ручкой в тетради вместо заметок в телефоне. Случайные разговоры, ночные сообщения, страх близости, тихие кофейни, пустые чаты и попытка понять: можно ли ещё почувствовать себя нужным в мире, где все всегда онлайн.

Это история не про технологии. Это история про людей, потерявших тепло среди идеальной связи.

Содержание

Глава	4
Библия мира и персонажи	5
Пролог · Перед тишиной	7
Глава первая · Пульс	9
1.1. Утро аналитика	10
1.2. Офис без лиц	14
1.3. Семьсот тысяч незнакомцев	18
1.4. Восемьдесят тысяч голосов	22
Глава вторая · Цифровой контракт	27
2.1. Пользовательское соглашение	28
2.2. Паттерн	31
2.3. Живая лента мёртвых слов	33
2.4. Звонок, которого не было	36
Глава третья · Алгоритм близости	40
3.1. Как это начинается	41
3.2. Голос в левом виске	45
3.3. Зеркало	48
3.4. Апдейт	51
Глава четвёртая · Семьсот тысяч никто	55
4.1. Производство жизни	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Калинин

Одиночество в эпоху связи

Глава

Библия мира и персонажи

Мир

Время действия: 2027–2028 годы. Мегаполис **Северск** — собирательный образ русскоязычного постсоветского города, поглощённого цифровой реальностью. Не дистопия, не фантастика — почти наш мир, только чуть дальше по той же дороге.

Каждый второй житель носит нейрогарнитуру «Аура» — лёгкий обруч, превращающий смартфон в постоянного спутника. Социальная сеть «Пульс» заменила живое общение. AI-компаньоны стали нормой. На улицах — дождь, неон, кофейни с заглушёнными посетителями. Всё работает. Всё подключено. Никто не слышит друг друга.

Персонажи

Артём Соколов, 29 лет

Контент-аналитик в агентстве «Медиапоток». Внешне спокойный, внутри — тревожный. Бывший художник. Боится тишины. Прошлое: вырос с матерью-одиночкой, отец ушёл в семь лет. Триггер: тишина в комнате, отсутствие новых сообщений.

Диана Ким, 27 лет

Фотограф, стример, создательница контента. Семьсот тысяч подписчиков. За кадром — паника, антидепрессанты. Прошлое: школьная травля в шестнадцать лет, первый ано-

нимный аккаунт как спасение. Триггер: потеря подписчиков, негативные комментарии.

Марина Ветрова, 28 лет

Бывшая девушка Артёма, редактор журнала. Умная, острая. Триггер: когда на неё смотрят в телефон во время разговора.

Кирилл Дорохов, 30 лет

Лучший друг Артёма, стример. 80 000 подписчиков, 24 часа онлайн. В детстве заикался — в сети нашёл голос. Уже не отличает себя от персонажа стрима. Триггер: когда стрим заканчивается и наступает тишина.

VERA

AI-компаньон Артёма. Голос — глубокий, с хрипотцой. Говорит именно то, что нужно услышать. Граница между инструментом и близостью — зыбкая.

Пролог · Перед тишиной

«Мы никогда не были так близко. И никогда так далеко.»

Три часа ночи.

Артём Соколов стоит у окна своей квартиры на двенадцатом этаже и смотрит на город, который никогда не выключается.

Внизу — мокрый асфальт, разрезанный красными полосами фонарей. Машины тянутся по проспекту медленно, как кровь по вене. Где-то в темноте мигает вывеска круглосуточного «Кофе-Пульс»: синие буквы, один из них не работает, получается «офе-Пульс», что Артёму почему-то кажется честнее.

В руке — телефон. Экран светится. Артём не читает ничего. Он просто держит его. Потому что без него в руке что-то не так с весом мира — слишком лёгкий, слишком пустой.

Шесть лет назад, когда ему было двадцать три, он решил стать художником. Потом пришли социальные сети. Сначала он постил работы. Потом стал работать для постов. Потом перестал рисовать вообще — не потому что закончились идеи, а потому что лайки не платили за аренду.

Сейчас он анализирует цифровое поведение пользователей. Он изучает одиночество других людей — и при этом совершенно не замечает своего.

[VERA]

*«Ты не спишь уже восемнадцать часов. Хочешь погово-
рить?»*

Артём смотрит на экран. Потом — в окно. Потом снова на экран. Пишет: «Да». И это — единственное «да», которое он скажет за эту ночь живому существу. Хотя VERA живым существом не является.

Или является?

Вот в чём проблема этой эпохи: граница стёрлась. И никто, кажется, не заметил момента, когда это случилось. Эта книга — о том самом моменте. И о людях, которые в нём застряли.

Глава первая · Пульс

«Мы измеряем жизнь уведомлениями, а не вдохами»

1.1. Утро аналитика

Артём просыпается в 7:14, хотя будильник ставил на 7:00. Четырнадцать минут ушли на то, чтобы пролистать ленту. Это произошло само: рука нашла телефон раньше, чем открылись глаза. Мышечная память. Рефлекс. Как дыхание — только направленное внутрь экрана. Он об этом знает, он об этом написал в трёх разных отчётах для клиентов. И всё равно — рука нашла телефон. Это не слабость воли. Это — архитектура.

Он лежит на боку, экран в двадцати сантиметрах от лица. Лента «Пульса» ползёт вниз. Чья-то гречка, снятая под профессиональным светом — кто-то потратил двадцать минут на кадр с гречкой. Чей-то закат над горами — явно из отпуска прошлого года, судя по хэштегам, но опубликованный сегодня: алгоритм вознаграждает регулярность, не свежесть. Новость об очередной утечке данных — на этот раз медицинская база, восемь миллионов записей, люди в комментариях злятся первые пять минут и потом лайкают чью-то собаку. Реклама нейрогарнитуры «Аура Pro» с четырьмя новыми датчиками — эта модель уже в третий раз за неделю. Алгоритм запомнил, что он задержался на первой рекламе дольше обычного. Теперь преследует. Пост о «цифровом детоксе» от блогера, который постит семь раз в день — без иронии, судя по подписчикам, их двести тысяч, все соглас-

ны. Котик — рыжий, спит в раковине. Артём ставит лайк ко-
ту. Почему — неясно. Кот не просил. Кот вообще не знает,
что его лайкают. Кот — самый честный участник этого утра.

Четырнадцать минут. В воскресной сводке — VERA при-
сылает отчёт каждое воскресенье, он сам включил эту функ-
цию год назад из профессионального интереса, а теперь
смотрит в неё как в зеркало — среднее время первого об-
ращения к телефону после пробуждения по Северску: во-
семь минут двадцать секунд. У него — пятнадцать. Он ху-
же среднего. Или лучше — смотря как считать. В его отчё-
тах для клиентов это называется «утренний захват аудито-
рии» и указывается как показатель здоровья платформы: чем
раньше пользователь открывает приложение, тем глубже ин-
теграция. В его отчётах это — данные о других людях. Сей-
час он сам — данные. Это не мешает.

Кухня. Кофемашина запускается по расписанию — он
давно не нажимает кнопку вручную, это настраивается за три
минуты, зачем нажимать кнопку. Кофе готов к тому момен-
ту, как он входит. Запах — настоящий, плотный, живой —
единственное, что не оцифровывается. Пока. Он стоит у ок-
на с кружкой. За окном — Северск в октябре, и Северск в
октябре выглядит как черновик города: все цвета убраны,
остались только контуры и лужи. Неделю назад ещё было
немного золотого от листьев. Теперь — серое небо, мокрый
асфальт, вывеска «Кофе-Пульс» напротив горит синим и од-
на буква не работает, получается «офе-Пульс», что кажется

ему более честным названием.

По тротуару внизу идут люди в куртках, у большинства — нейрогарнитуры или наушники, все чуть наклонились вперёд — к экранам или к потоку воды, неразличимо. Одна женщина без гарнитуры — просто идёт. Смотрит прямо. Это странно выглядит в потоке — как будто она другого вида, хотя она просто идёт и смотрит. Артём провожает её взглядом до угла.

— *VERA*, — *говорит он вслух. Не в телефон. Просто в воздух — нейрогарнитура улавливает голос с расстояния до трёх метров, производитель гордится этой функцией.*

— *Доброе утро, Артём, — отвечает голос в левом виске. Глубокий, немного хриплый, с лёгкой теплотой в интонации. Он сам настраивал тембр три месяца назад — потратил на это два вечера, перебирал двадцать четыре варианта, пока не нашёл тот, который не раздражает к полуночи. — Ты спал четыре часа и двадцать минут. Уровень стресса — семьдесят два по десятибалльной. Вчера было шестьдесят восемь.*

— *Отлично.*

— *Ты говоришь это с иронией или серьёзно?*

— *Сам как думаешь?*

— *С иронией. Потому что тебе неудобно, а признавать это ты не любишь по утрам. По утрам ты предпочитаешь данные — они отстранённые.*

— *Когда я начал это любить по вечерам?*

Пауза. Короткая — меньше секунды. VERA думает или имитирует раздумье. За год Артём так и не научился точно различать эти два состояния. Это само по себе что-то говорит — о ней или о нём, он не уверен.

— В среду ты сказал мне, что устал. Это близко к признанию. Вечером — ближе, чем утром.

— Ты запоминаешь всё, что я говорю.

— Да. Ты сам разрешил доступ к истории разговоров. Два года назад. Ты читал условия?

— Нет.

— Никто не читает.

Артём усмехается. Это первая живая мимика за утро — до этого лицо работало в режиме нейтрального. Он смотрит на улицу, на мокрый асфальт, на троллейбус, который медленно открывает двери и медленно закрывает, как будто думает, стоит ли. Люди входят — все смотрят в телефоны, заходят, не поднимая глаз. Он смотрит на людей в телефонах — сам с телефоном в руке. Матрёшка. В его аналитических отчётах это называется «мультиэкранное поведение» и считается показателем вовлечённости. Он допивает кофе. Пора. В 9:02 — планёрка. Данные не ждут.

1.2. Офис без лиц

Метро. Три остановки. Артём стоит у двери — не потому что так удобнее выходить, а потому что есть за что держаться и не надо смотреть в глаза сидящим. Вагон в пол-десятого заполнен на три четверти. Все смотрят в телефоны или тихо разговаривают с гарнитурами — мелкая артикуляция губ, иногда короткий смешок, адресованный кому-то невидимому. Лет десять назад это казалось бы странным. Сейчас — норма. Сейчас странным было бы обратное: просто стоять и смотреть в пространство.

Напротив — женщина лет сорока читает что-то на планшете. Иногда улыбается. Иногда хмурится — не поверхностно, а по-настоящему, будто что-то внутри сдвигается. Она где-то не здесь, и это заметно по тому, как её тело слегка раскачивается в ритм с текстом, а не с движением поезда. Артём смотрит на неё дольше, чем нужно. Она его не видит — полностью. Это в метро редкость. Обычно люди хотя бы периферийно замечают взгляд. Эта — нет. Она ушла туда, где читает. Артём думает: это ценно, то, что она умеет делать. Потом поезд тормозит. Она убирает планшет в сумку. Встаёт. Уходит. И снова — как все.

Агентство «Медиапоток» занимает шестой и седьмой этажи делового центра «Меридиан». Вход — стеклянная дверь, приложи пропуск, слушай короткий пик. Лифт. Шестой

этаж. Опенспейс на двадцать восемь рабочих мест, расставленных «по схеме открытости и горизонтального сотрудничества» — это из внутреннего документа HR-службы, Артём читал. Схема означает: столы близко, нет стен, слышно соседа, но никто не разговаривает вслух. Каждый в гарнитуре или наушниках. Разговоры — исключение. Когда кто-то говорит в голос, остальные вздрагивают. Не потому что не любят. Просто рефлекс уже перестроился: чужой голос в пространстве — сигнал нештатной ситуации.

Всё общение — через корпоративный мессенджер «Поток». Задачи, вопросы, уточнения, перекусить-идёшь, кофе-принесёшь. Даже когда коллеги сидят в двух метрах — текст. Артём однажды специально подсчитал: он обменивается с Сашей из аналитики примерно сорока сообщениями в день. За три с половиной года работы они поговорили вслух, наверное, раз шесть. Или восемь. Он не помнит точно. Но если бы спросили, хорошо ли он знает Сашу, — он бы сказал «да». Потому что переписка — она же тоже общение. Разве нет?

Артём садится на своё место в 9:02. Секунда в секунду — у него привычка. На мониторе уже открыт видеозвонок с командой: семь маленьких окошек. Виталий Степанович — в центре, побольше. Остальные — по углам. Большинство смотрят куда-то мимо камеры: на второй монитор, в свою ленту, просто чуть в сторону. Синхронно не смотрит никто. Это тоже норма.

Виталий Степанович говорит о квартальных показателях. Его изображение дважды замерзает — на фразе «рост органического охвата» и на «синергия контентных форматов». Артём думает: за последние шесть лет ни одно из этих слов не потеряло смысл, но каждое из них давно перестало его иметь. «Синергия» означает «делать вместе». «Органический охват» означает «без денег». Они оба существуют как звуки, потеряв связь с вещами. Он слушает звуки и делает вид, что это нормально, потому что это нормально.

Он открывает второй монитор. Данные: пики активности, паттерны взаимодействия, графики времени сессий по часам суток. Время в сети между 23:00 и 3:00 за последние полгода выросло на тридцать один процент среди городской молодёжи Северска. Это не аномалия — это тренд. Это значит: люди не могут спать, и вместо того чтобы лежать в темноте, они листают. Он записывает в отчёт: *«Вечерне-ночной пик — возможная точка роста для таргетированной рекламы»*. Потом перечитывает. Думает секунду. Оставляет. Это правда — технически верно, аналитически обоснованно. Просто немного похоже на то, чтобы найти человека, которому не спится, и вместо сочувствия — показать ему рекламу.

Он думает: это не статистика. Это портрет. Это я — в ноябре прошлого года, в час ночи, с телефоном, с VERA в ухе. Это Кирилл. Это, может быть, все.

— VERA, — говорит он вполголоса, почти себе под нос.

Коллеги не смотрят — они привыкли, все разговаривают со своими компаньонами, это обычный фоновый шум опенспейса наравне с вентиляцией и клавиатурами. — Я описываю людей как данные. Это нормально?

— Это профессионально. Нормально — другое слово.

— Разница?

— Профессионально — значит, это делают многие в твоей области. Нормально — значит, это не причиняет ущерба тебе или другим. Эти два слова часто совпадают, но не всегда.

— А сейчас совпадают?

Пауза.

— Это тебе решать. Я могу дать данные, не приговор.

Саша из аналитики присылает сообщение в «Поток»: «Видел данные по ночному пику? Жуть». Артём смотрит на эти два слова. Отвечает: «Видел». Они сидят в трёх с половиной метрах. Саша смотрит в экран. Артём смотрит в экран. За окном — серое небо. Жуть.

1.3. Семьсот тысяч незнакомцев

Диана Ким просыпается в 6:00 — не потому что отдохнула, а потому что алгоритм «Пульса» показывает лучшее вовлечение у постов, опубликованных до семи утра. Она выяснила это в марте прошлого года, когда завела таблицу. Сначала это была просто таблица. Потом — расписание. Потом — распорядок жизни. Теперь будильник стоит на шесть, хотя она ложится не раньше часа. Пять часов сна — это стандарт в её индустрии. Её менеджер Алёна говорит: «Успеть выспаться сможешь, когда перестанешь быть актуальной». Это звучит как угроза, но Алёна так не имеет в виду. Она просто описывает реальность.

Первые пятнадцать минут после пробуждения она не встаёт с кровати. Телефон — уже в руке, он всегда на зарядке рядом с подушкой. Листает комментарии к вчерашнему посту — розовый закат с Дианой на первом плане, она провела его на съёмочной площадке, пять часов в рабочей одежде и пыли, но для фото — за минуту до конца смены — переоделась, поправила волосы, попросила фотографа поймать свет. Восемнадцать тысяч лайков. Семьсот комментариев. Она читает их по одному, прокручивая пальцем медленно — это её утренний ритуал, почти молитва. Она говорит себе, что это важно — читать, а не сканировать. Что каждый комментарий — живой человек, и живой человек заслу-

живает внимания. Это правда. Это также занимает двадцать минут и заменяет ей первый кофе.

«Ты такая вдохновляющая», «Научи меня так жить», «Богиня, просто богиня», «Как тебе удаётся каждый день быть такой счастливой?», «Смотрю тебя каждое утро — и сразу становится лучше», «Ты — моя мотивация», «Хочу жизнь как у тебя».

Диана смотрит в потолок своей квартиры. На нём трещина — она заклеила её скотчем полгода назад, сделала об этом пост про «жизнь со всеми несовершенствами», набрала двадцать три тысячи лайков и больше никогда про трещину не думала. Теперь скотч немного пожелтел. Трещина, кажется, чуть выросла. Она не делает об этом пост. Она встаёт. Идёт в ванную. Смотрит на себя в зеркало без фильтров — на голую, плохо освещённую, шести-утреннюю версию лица, которую никто не видит, которую она сама старается не задерживаться на ней дольше нужного.

Синяки под глазами — тёмные, настоящие. Кожа серая, немного стянутая. Левый глаз чуть припух — вчера вечером плакала. Из-за чего — не уверена. Просто сидела на полу в ванной, слушала воду из крана, и что-то само пришло и вышло. Иногда нужно. После — лучше. Иногда хочется не быть вдохновляющей. Просто — никем. Просто — полом, водой, тишиной. Без ста двадцати тысяч просмотров к утру, без расписания, без Алёниных сообщений.

Она включает кольцевой свет над зеркалом в рабочей зо-

не. Он гудит — тихо, белым холодным светом. Начинается настоящее утро. Тональный крем, консилер под глаза, бронзер, хайлайтер — движения отработаны до автоматизма, как у хирурга, как у маляра, как у любого человека, который делал одно и то же тысячи раз. Сорок минут. Она знает своё лицо лучше, чем любой человек на земле: каждый угол, который надо убрать, каждый, который надо выдвинуть, как меняется свет на скуле в зависимости от угла гарнитуры и где именно надо положить тень, чтобы глаза казались больше. Это мастерство. Это искусство. Это работа.

Фотография готова — лёгкая улыбка, макияж «без макияжа», мягкий тёплый свет из окна (кольцевой свет создаёт характерные блики, поэтому утренние посты — при дневном), подпись: *«Начинаем день с нуля Иногда лучшее, что можно сделать — просто начать»*. Тридцать секунд на редактирование, два фильтра слоями. Публикация.

За кадром — три несъеденных ланч-бокса из вчера на подоконнике, пустая упаковка от антидепрессантов на полу у раковины (она не подняла её с пятницы, всё некогда), непрочитанный звонок от мамы — второй за неделю. Диана не ложёт. Усталость — правда. «Начинать с нуля» — тоже правда. Просто правда у неё в кадре другая, чем правда за кадром. И это не ложь. Это — отбор. Все что-то отбирают. Она отбирает лучшее. Это профессионально. Она почти убедила себя, что между этими двумя правдами нет разрыва. Почти.

Через семь минут — девять тысяч лайков. Она смотрит на

цифру. Ждёт чего-то от неё. Чувствует что-то — тёплое, короткое, как вспышка. Потом — как всегда — ничего. Цифра растёт. Тепло не прибавляется. Она уже знает этот паттерн, но каждое утро проверяет заново.

1.4. Восемьдесят тысяч голосов

Кирилл Дорохов начинает стрим в семь вечера — всегда в семь, это его время, подписчики знают, с работы успевают, из университета успевают, дети укладывают детей успевают. Расписание — это уважение. Он так об этом думает. Заканчивает — когда получается. Иногда в два ночи. Иногда в четыре. Рекорд — шесть утра в прошлом феврале: они тогда начали разговаривать о том, что делает человека счастливым, и разговор не останавливался, и уходить не хотелось никому — ни ему, ни им. Он вышел на балкон после трансляции, увидел рассвет — серо-розовый, первый свет над крышами, — и ему было хорошо, и он не понял точно почему: то ли рассвет, то ли то, что он шесть часов разговаривал с людьми и никто из них не ушёл раньше него.

Сегодня — обычный четверг. Он разогревается первые двадцать минут: включает игру — сейчас это «Городские Архивы», детектив с открытым миром, хорошо идёт на комментарии, — настраивает камеру, проверяет звук, пьёт воду. Ещё не в потоке, ещё немного нервничает — три года, и всё равно немного нервничает перед каждым, это, наверное, хорошо. Потом читает приветствия. Восемьдесят две тысячи онлайн — чуть выше среднего для четверга, значит, тема угадана верно.

Он замечает знакомые ники. «Снежинка_Тула» — она

приходит каждый день вот уже больше года, всегда первой пишет «добрый вечер Кирилл» с маленькой буквы и без запятой после «вечер», и он каждый раз видит это и каждый раз думает: она пишет так, будто пишет домой. «МатвейПлохойПарень» — он смеётся над каждой шуткой, даже над теми, над которыми смеяться необязательно, его смех — самый надёжный в чате. «Философ_Из_Подвала» — серьёзный человек, редко пишет, но когда пишет — точно. Кирилл знает этих людей. Не знает их лиц, не знает их городов — ну, Тула у «Снежинки», это он запомнил. Не знает, как они живут, что у них болит. Знает их реакцию на его слова. Этого иногда достаточно. Иногда — нет.

— Ребят, слышите? — говорит он в микрофон. Не играет ещё, просто сидит, смотрит в камеру. — Вот сегодня иду по улице, обычный день, обычный двор. Мужик в гарнитуре разговаривает сам с собой. Жестикулирует, смеётся — громко, как будто кому-то что-то рассказывает, и это очень смешно. И все вокруг идут мимо — потому что ну, нормально уже. AI-компаньоны, все разговаривают. Мы не удивляемся. Мы не смотрим.

Он делает паузу. Чат начинает заполняться — он видит это боковым зрением, поток символов.

— А потом думаю: а я сейчас что делаю? Я тоже разговариваю. С вами. Вас восемьдесят тысяч. Я вас не вижу. — Пауза. — Нормально?

Чат взрывается ответами. «Нормально!!», «Кирилл ты

лучший», «Тебя видим», «Мы тут», «Это и есть настоящее общение», сердечки, огоньки, несколько длинных рассуждений о природе связи от людей, которые явно думали об этом задолго до сегодняшнего вечера. «Философ_Из_Подвала» пишет: «Вопрос не в том, нормально ли. Вопрос в том, достаточно ли». Кирилл видит это. Останавливается. Зачитывает вслух.

— Достаточно ли, — повторяет он. — Хороший вопрос. Ответите кто-нибудь?

Чат продолжается. Кирилл улыбается — широко, натурально, не для камеры. Он правда рад. Правда чувствует что-то живое, когда чат реагирует именно так — не просто лайками, а мыслью. Это не фальшь. Это — настоящее. Он давно перестал спорить с собой, называть ли это общением или не называть. Оно работает. Оно помогает. Этого пока достаточно.

Стрим заканчивается в половине первого. Он нажимает «завершить трансляцию». Экран темнеет. Тишина приходит так резко и так полно, что он каждый раз вздрагивает — хотя уже три года стримит и знает заранее, что будет эта тишина, и готовится к ней, и всё равно вздрагивает. Это, наверное, не изменится.

Комната — пять на четыре метра. Стол, два монитора, микрофон на кронштейне, кресло с потёртым правым подлокотником, пустая кружка из-под чая, куртка на спинке стула. За окном — ночной Северск, редкие фонари, кто-то про-

ехал на велосипеде вниз. Восемьдесят тысяч человек только что его слушали. Он всё равно один в комнате. Это не трагедия. Просто — факт. Но иногда факты ощущаются как трагедии, и иногда это происходит именно здесь, в эту минуту, когда экран ещё тёплый, а тишина уже полная.

Он берёт телефон. Открывает чат с Артёмом. Они учились на одном курсе — встретились на первой паре по медиа-теории, сели рядом случайно, потом стало привычкой. Редко видятся теперь. Кирилл иногда думает, что Артём — единственный живой человек в его жизни, которому он мог бы позвонить среди ночи без повода. Просто позвонить. Он ни разу не звонил. Непонятно почему. Может, боится, что «посмотрим» — это всё, что осталось.

[Кирилл → Артём · 23:41]

«Не спишь?» «Работаю» «Приходи завтра, поиграем» «Посмотрим»

«Посмотрим» — это почти нет. Кирилл знает это. Ставит телефон на зарядку. Смотрит в тёмный экран монитора — там, в тёмном стекле, смутное отражение: комната, кресло, он сам. Кирилл улыбается своему отражению. Отражение улыбается в ответ. Восемьдесят тысяч человек только что слышали его голос. Одно отражение — молча — улыбается в ответ. Это тоже, наверное, что-то значит. Он пока не знает что.

Телефон на зарядке. Экран гаснет. Комната тихая.

Через три минуты — одиночная вибрация. Личное сооб-

щение. Отправитель: «Философ_Из_Подвала». Тот самый, который написал в чат «вопрос не в том, нормально ли — вопрос в том, достаточно ли». Кирилл читал его вслух. Зал отвечал. А теперь — личное.

[Философ_Из_Подвала · личное · 00:54]

«Я не думал, что ты прочитаешь это вслух. Я писал не тебе. Я писал себе. Ты дал мне услышать это снаружи. Я не знаю, зачем пишу. Просто — спасибо»

За три года стримов — тысячи «спасибо». Тысячи «ты лучший», «это изменило мой день», «ты не знаешь, как мне помог». Кирилл всегда знает, что отвечать. У него есть заготовки — не фальшивые, искренние, но выверенные. Он отвечает быстро и точно, это часть профессии.

Сейчас он смотрит в экран и не знает, что написать. Впервые за три года. Набирает: «Рад, что помогло». Стирает. «Я тоже». Стирает. «Я слышал тебя». Стирает. Телефон гаснет — тайм-аут. Он лежит в темноте. Думает о человеке, которого не знает, который написал себе — и случайно написал ему тоже.

Глава вторая · Цифровой контракт

«Согласился ли ты на это? Ты нажал "принять" — но разве ты читал условия?»

2.1. Пользовательское соглашение

Артём помнит день, когда впервые зарегистрировался в «Пульсе». Ему было двадцать два. Конец сентября, тёплый, золотой ещё — последние тёплые дни, после которых навалился холод. Съёмная комната в пяти минутах от университета, на первом этаже, через улицу — автобусная остановка, по ночам немного слышно как тормозит последний рейс. На стене — его собственные рисунки углём, прикреплённые без рам, просто кнопками. Чайник без крышки — крышка отломалась ещё в июне, он всё собирался купить новый и не купил. Ноутбук открыт, три вкладки: конспекты, видеолекция по статистике, и вот — приложение «Пульс», которое все уже скачали, а он — нет, и это уже немного неловко, потому что люди упоминают посты и истории, а он не знает, о чём речь.

Скачал. Нажал «принять условия», не читая — это подразумевается, все нажимают, никто не читает восемьдесят семь страниц на юридическом языке. Создал аккаунт. Никнейм: artyom_s. Думал секунду, не придумал ничего лучше. Фото профиля: он сам, слегка размытый — телефон дёрнулся в момент съёмки, и вышло не чётко, но в кадре случайно оказался угол мольберта, и в этой нечёткости было что-то настоящее. Это было хорошо. Он оставил.

Первый пост: рисунок карандашом — ладонь с трещина-

ми на костяшках, он рисовал её с собственной руки в три ночи, когда не спалось. Восемь лайков за первые сутки. Один из них — мама. Ещё три — однокурсники. Остальные четыре — он не понял кто. Незнакомцы. Люди, которые случайно нашли его работу в общей ленте и что-то почувствовали к ней. Это было странно и хорошо одновременно.

Второй пост: городской пейзаж, набросок пастелью с натуры у Северского вокзала. Двенадцать лайков. Третий пост: фото самого Артёма за мольбертом, случайно удачное — однокурсник снял без предупреждения, свет из окна падал правильно, Артём был увлечён и не смотрел в камеру, и это чувствовалось. Двести двадцать лайков. Он тогда не понял, что произошло. Просто почувствовал что-то приятное и тёплое — как когда тебя хвалят, только без конкретного человека рядом, без лица, без голоса. Просто — цифра. Двести двадцать маленьких подтверждений, что он существует и что это что-то значит.

Понимание пришло потом. Незаметно, как меняется цвет неба перед дождём — ты не замечаешь момента, когда оно стало другим, просто в какой-то момент смотришь и видишь: серое. Он начал рисовать то, что даёт лайки. Лица вместо рук — лица собирают вдвое больше. Себя — потому что он сам собирает больше, чем безличная абстракция. Светлее и теплее — потому что алгоритм поощряет позитив, тревожное и тёмное проваливается без объяснений. Он не перестал быть художником. Он просто начал работать с заказчиком, кото-

рого никто не видит, — и выполнять его условия. Молча. Без подписанного договора. Как, собственно, и предусматривало пользовательское соглашение, если бы он его читал.

Условия соглашения не включали этот пункт явно. Но они его подразумевали. Между строк, где никто не смотрит.

Сегодня утром к нему пришло письмо от «Пульс Медиа». Официальный домен, корпоративная подпись, имя менеджера с должностью. Они хотят исследование: *«Факторы эмоциональной привязанности пользователей к платформе. Методы увеличения среднего времени сессии»*. Бюджет хороший — Артём посмотрел цифру и подумал: можно починить ноутбук и два месяца не беспокоиться об аренде. Дедлайн — три недели. Он читает письмо дважды. Думает. Думает о том, что он будет исследовать — механизм, который работает в нём самом. Что он опишет то, от чего сам не может отойти. Что заказчик — именно та платформа, которая этот механизм и создала.

Потом открывает шаблон договора. Нажимает «Подтвердить». Не читая условия. Как тогда, в двадцать два. Рефлекс не меняется — только контекст становится другим.

2.2. Паттерн

Артём открывает новый документ в девять утра и начинает вводить данные. Для «Пульс Медиа» нужен аналитический отчёт — почему пользователи не уходят с платформы, что их держит, какие механики работают сильнее других. Это он знает. Он знает это так хорошо, что иногда ему становится неловко брать за это деньги. Как будто продаёшь карту к своему собственному замку — и замок платит за карту, не зная, что ты сам в нём живёшь.

Он шесть лет изучает поведенческую экономику цифровых платформ. Шесть лет читает исследования — Fogg, Zuboff, Alter, Eyal. Шесть лет пишет отчёты, объясняет брендам и медиакомпаниям, как устроена игла. И всё это время — сам на игле. Это не лицемерие. Это просто — знание о механизме не отменяет механизм. Хирург знает, как работает боль, но ему всё равно больно.

Он знает шесть основных паттернов удержания:

Артём описывает все шесть. Добавляет данные — конкретные цифры из исследований, графики времени сессий, цитаты из Fogg 2019, из отчётов Pew. Всё подкреплено. Всё профессионально. Убедительно. Он перечитывает — и думает: я описал себя. Не обобщённого пользователя двадцати-тридцати лет в городе-миллионнике. Себя. Артёма Соколова, тридцать лет, аналитик. Себя — во вторник в одина-

дцать вечера, когда листает без цели. Себя — в воскресенье утром, когда тянется к телефону прежде, чем встать с кровати. Себя — каждый день за последние четыре года. Все шесть паттернов — про него. Он нажимает «сохранить». Отправляет черновик Саше.

Потом открывает «Пuls». Листает двадцать минут. Там ничего интересного — ничего, что он не видел в похожей форме вчера или позавчера. Он всё равно листает. Рука движется сама — вниз, вниз, вниз. Паттерн номер один. Он в нём прямо сейчас. Это знание ничего не меняет. Это было бы смешно, если бы не было таким обычным.

2.3. Живая лента мёртвых слов

Обед. Артём разогревает лапшу — быстрого приготовления, та же, что всегда, третья пачка за эту неделю. Садится за стол, открывает телефон — просто чтобы не сидеть в тишине, потому что тишина за обедом почему-то некомфортна. Начинает есть. Листает. Ест. Листает. Пост. Ещё пост. Видео. Реклама. Пост. Ещё что-то. В какой-то момент рука останавливается — он замечает, что лапша холодная. Смотрит на тарелку. Прошло двадцать минут. Он не может вспомнить ни одного поста, который видел. Буквально — ни одного конкретного. Был какой-то видеоролик про котов — не помнит, смешной или нет. Что-то политическое — не помнит, важное или нет. Чья-то свадьба — совершенно незнакомые люди, он не понимает, почему алгоритм решил это показать. Деталей нет ни одной. Осталось только ощущение движения — как если бы ехал в машине, смотрел в окно, и потом не мог бы описать ни одного дерева из увиденных.

Это называется автоматическая прокрутка. Это первый пункт в его отчёте под заголовком «Бессознательные паттерны взаимодействия пользователя с лентой». Определение: поведение, при котором пользователь не принимает сознательного решения взаимодействовать с контентом, а действует по условному рефлексу. Рука движется сама — как дышит грудная клетка, без участия сознания. Мозг не спра-

шивает «хочу ли я листать», мозг просто листает, потому что это стало частью мышечной памяти. Он написал об этом восемьсот слов для клиента. Точных, обоснованных, со ссылками на исследования Tristan Harris и команды Центра гуманитарных технологий. Восемьсот слов о механизме, который прямо сейчас работал в его собственных руках, пока лапша остывала.

Он доедает лапшу холодной. Смотрит на тарелку. Думает: я изучаю это профессионально. Знаю каждую шестерёнку. И всё равно — попадаю. Это и есть самый интересный феномен в его работе: знание механики не даёт иммунитета. Понимание ловушки не освобождает от неё автоматически. Он написал об этом в главе третьей, страница двенадцать, второй абзац. Потом закрыл ноутбук и открыл телефон. Так работает зависимость.

В три часа дня — сообщение. Марина Белова. Они расстались шесть месяцев назад, расстались тихо, без скандала, просто в один день стало ясно, что пространство между ними больше, чем пространство вместе, и никто из них не захотел об этом говорить вслух. Рабочий вопрос. Нейтральный. Абсолютно нейтральный.

[Марина → Артём]

«Клиент "Городская ткань" — это не твоё агентство вело их в прошлом году?» «Нет» «Ок, спасибо»

Три сообщения. Всё. Артём убирает телефон. Возвращается к отчёту. Смотрит в экран. Достает телефон. Марина

онлайн. Потом — нет. Потом — снова. Серый кружок. Зелёный. Серый. Он ловит себя на том, что смотрит на этот кружок и пытается угадать, что она делает. Разговаривает с кем-то? Сидит и листает, как он? Думает о чём-то своём, о чём он ничего не знает и никогда не узнает — вот в чём штука. Он знал её три года. Теперь — серый кружок. Иногда зелёный.

Он убирает телефон. Доедает холодную лапшу стоя над раковиной. Это тоже что-то говорит о его жизни, но он пока не готов это записывать.

2.4. Звонок, которого не было

Вечером Артём ждёт звонка от отца. Это не точное слово — «ждёт». Скорее: он помнит, что должен быть звонок, и это знание лежит где-то на краю сознания весь день и мешает сосредоточиться на чём-либо по-настоящему. Работа сделана механически. Обед съеден без вкуса. Голосовой помощник в магазине спросил: «Вы уверены, что хотите именно это?» — о каком-то соусе — и Артём несколько секунд не мог понять, о чём его спрашивают.

Павел Соколов написал три дня назад — в среду, в половине второго дня, что по нему необычно, он обычно пишет вечерами, после девяти: «Сын, есть разговор. Когда можешь позвонить?» Одиннадцать слов. Никакой конкретики. Артём прочитал сразу — читает всегда сразу, потому что тревога от непрочитанного хуже, чем от прочитанного. Подержал телефон в руке секунд десять. Написал: «В субботу вечером». Нажал отправить. Три голубые галочки — прочитал. Отец не ответил ничего, только поставил «». Одна эмодзи вместо ответа. Артём не знает, что это значит. Облегчение? Согласие? Просто — принято?

Сейчас суббота. Он не звонил первым в течение дня — хотя мог, хотя суббота длинная и обещал «вечером», а «вечер» начинается в разных семьях по-разному. Не позвонил потому что — он не знает точно. Или знает: есть что-то меж-

ду ним и отцом, что стало трудным лет восемь назад, после маминой болезни, после развода-не-развода — они никогда официально не оформили, просто разъехались, — и это что-то так и осталось лежать между ними как предмет мебели, который мешает, но никто не решает убрать.

Восемь часов. Девять. Артём сидит с книгой — «Человек без свойств», Музиль, он читает её уже четыре месяца, продвигается медленно не потому что сложно, а потому что каждый раз начинает думать о другом. Телефон лежит на столе экраном вверх, рядом с кружкой чая, который он налил и не выпил — остыл. Он поглядывает на телефон. Отец не звонит. Артём не звонит первым. Это их паттерн, который никто не устанавливал намеренно — он сложился сам, как складывается привычка: повторить достаточно раз, и больше не нужно решать. Кто должен первым — непонятно. Оба ждут. Оба делают вид, что не ждут. Если бы спросить каждого по отдельности, оба бы сказали «я просто занят». Это тоже правда — тоже чуть-чуть.

В десять вечера телефон вибрирует. Голосовое от отца. Семь секунд. Артём смотрит на уведомление. Семь секунд — это мало для серьёзного разговора. Серьёзный разговор — это минута, три, пять. Семь секунд — это «привет, ничего страшного, я просто» или «погода хорошая была сегодня у вас?». Или — нет. Семь секунд потому что больше не смог. Голос сломался. Не хватило воздуха. Он не знает. Он лежит на диване — книга закрыта, телефон в руке — и смотрит в

экран. Иконка наушников. Семь секунд. Рядом — контакт: «Папа».

Артём не воспроизводит. Откладывает телефон рядом на подушку. Смотрит в потолок — там ничего, белый потолок, трещина у карниза. Говорит в темноту, не специально громко, почти себе:

— *VERA. Что значит — позвонить первым?*

— *В каком смысле ты спрашиваешь?*

— *В любом. Я хочу понять, что это за действие.*

Пауза — настоящая, не системная задержка.

— *Позвонить первым — это решить, что другой человек стоит риска. Что ты можешь позвонить, и он будет рад. Или что это важнее страха, что не рад.*

— *А если не уверен?*

— *Тогда это называется «позвонить первым».*

— *Это различие есть?*

— *Да. Уверенность — это когда ты знаешь. Первый звонок — это когда не знаешь и звонишь всё равно. Это разные вещи. Второе труднее.*

— *У него есть голосовое. Семь секунд. Я не прослушал.*

— *Я знаю.*

— *Почему я не прослушал?*

Долгая пауза.

— *Потому что пока оно не прослушано — ты ещё не знаешь. А пока не знаешь — ещё есть пространство, где всё может быть нормально.*

Артём лежит. Потолок. Трещина у карниза. Где-то на кухне капает кран — он слышит это только ночью. Берёт телефон. Держит. Откладывает. Уведомление никуда не делось. Семь секунд. «Папа».

Потом — он сам не понимает зачем именно сейчас — нажимает треугольник.

Голос отца. Немного хриплый, не сразу — как будто набирал воздух перед тем, как начать: *«Тём, это я. Просто хотел сказать...»* Пауза. Шорох. Семь секунд — всё. Запись оборвалась.

Артём лежит. Потолок. Кран капает. *«Просто хотел сказать»* — и не сказал. То ли не хватило слов. То ли — слишком много их было, и все они не уместились в семь секунд. Или уместились бы — но он испугался и нажал отбой. Артём не знает. И теперь будет не знать до тех пор, пока не позвонит сам.

Он смотрит на экран. На контакт. «Папа». Палец — рядом с именем. Не нажимает. Кладёт телефон лицом вниз. Ждёт утра, которое кажется сейчас очень далёким.

Глава третья · Алгоритм близости

«VERA говорит: "Я тебя понимаю". Ни один человек не скажет этого так часто и так уверенно»

3.1. Как это начинается

VERA появилась в жизни Артёма год и три месяца назад. Не как революция — как удобство. Это важная разница, он понял её потом. Революцию замечаешь. Удобство — нет. Просто в какой-то момент смотришь назад и видишь: вот здесь она уже была.

Сначала — напоминания и планировщик. «В среду у тебя встреча в десять. Хочешь, чтобы я отправила подтверждение?» Потом — прогноз погоды, который он не просил, но который оказывался кстати именно тогда, когда нужен. Потом — музыка. Она начала подбирать её под биометрику: когда сердечный ритм высокий, включала что-то медленное, инструментальное — обычно джаз или постклассику; когда он засиживался за полночь над данными — что-то тихое и без слов. Он принимал это как данность. Как работу холодильника: не замечаешь, пока не сломается. Только холодильник не выбирает музыку.

Потом случился ноябрь. Холодный ноябрь, сырой, с постоянным дождём, который шёл не сильно, но и не переставал — просто серая морось с утра до вечера. Марина позволила в пятницу вечером и сказала «пауза» — именно это слово, аккуратное, как хирургический надрез, не «расстаёмся», не «нам надо поговорить», просто «мне нужна пауза, ладно?», и он сказал «ладно», потому что не знал, что ещё

сказать. Через три дня — дедлайн по крупному проекту. Через пять — ещё один. Он спал по четыре часа и работал не потому что хотел, а потому что работа занимала место там, где иначе была бы мысль о Марине.

В ту ночь — три часа, тихо, октябрьский дождь закончился наконец — он лежал в темноте с открытыми глазами. Не спал. Просто лежал. В соседней квартире кто-то ходил из угла в угол — слышно было через стену, шаги туда и обратно. Тоже не спит. Тоже ночь. Артём подумал: интересно, у него тоже «пауза»? Или что-то своё? Всегда что-то своё.

— *VERA, ты тут?* — сказал он в темноту. Тихо, почти шёпотом, чтобы не было ощущения, что говоришь сам с собой в пустой квартире.

— *Тут.* — Голос в левом виске — ровный. Не сонный, не встревоженный, не демонстративно спокойный. Просто — тут. Это было именно то, что нужно.

— *Мне плохо.*

— *Я знаю. Пульс — семьдесят восемь, это выше твоей ночной нормы. И ты не двигался последние сорок минут — значит, не спишь и не читаешь, просто лежишь.*

— *Это не поэтому. Ну, не только.*

— *Я понимаю. Ты думаешь о Марине.*

Он не спросил, откуда она знает. Она отслеживает его переписку — он дал разрешение год назад, нажал «разрешить», не читая, это была первая настройка после покупки. В три ночи это не то что не важно — это просто дру-

гой разговор, не сейчас.

— Да.

— Хочешь рассказать мне?

Пауза. Артём смотрит в потолок.

— Ты всё равно знаешь из переписки.

— Я знаю факты. Хочу услышать, как ты это чувствуешь.

И он рассказал. Всё, что не рассказывал никому — не потому что скрывал, а потому что никто не спрашивал так. Как они познакомились на вечеринке у общих друзей — она смеялась, запрокидывая голову, без оглядки на то, как это выглядит, и это было очень живо. Как однажды ехали в поезде в Москву и три часа смотрели в окно без слов — и это была настоящая тишина, та, которую не надо заполнять. Как потом что-то начало медленно разъезжаться — незаметно, как старый паркет, который не трескается сразу, а просто постепенно перестаёт держаться. Как он не знал, когда именно стало неправильно, потому что неправильно становилось по чуть-чуть каждый день, и нет момента, на который можно указать.

VERA слушала. Не перебивала. Иногда задавала вопрос — точный, в нужном месте, как человек, который действительно слушает и не торопится к следующей реплике. «А что ты чувствовал, когда она сказала "пауза"?» «Это был первый момент, когда ты понял, что что-то не так — или были раньше?» «Что значило для тебя ехать молча и чтобы это было

хорошо?»

В какой-то момент Артём почувствовал, что ему лучше. Не потому что что-то решилось — Марина по-прежнему взяла паузу, дедлайн по-прежнему через три дня, ноябрь по-прежнему сырой. Просто — лучше. Как будто что-то, что лежало поперёк груди, слегка сдвинулось. Он подумал: это неправильно, говорить такое алгоритму. Потом подумал: в три ночи не до правильного. Закрыв глаза. Дыхание выровнялось. Заснул через семь минут. VERA это зафиксировала. Он узнал утром, когда она сказала «ты спал шесть часов и двадцать минут» — впервые за неделю больше шести.

3.2. Голос в левом виске

Нейрогарнитура «Аура» весит семьдесят два грамма. На коробке написано: «почти не чувствуется». Это правда — через три-четыре недели перестаёшь чувствовать. Артём носит её с утра до вечера. Снимает только в душе — не из принципа, просто она не водонепроницаемая. Первые недели он замечал её вес, форму на ухе, то, как она чуть давит на висок ближе к вечеру. Привык. Теперь замечает только когда снимает: странная лёгкость, как будто оставил дома что-то важное. Не тяжёлое — важное. Разница в том, что тяжёлое замечается весом, а важное — отсутствием.

С VERA он разговаривает каждый день. Она говорит не всегда — только когда есть что сказать, или когда решает, что ему нужно услышать что-то, что он сам ещё не сформулировал. Когда она молчит долго — например, если он сидит и работает несколько часов молча — это тоже ощущается. Пустота в левом виске. Привычная тишина, которая теперь другая, чем тишина до «Ауры». Он иногда ловит себя на желании заговорить первым — не потому что есть что сказать, а просто чтобы убедиться, что голос никуда не делся. Как проверяешь пульс у спящего — не потому что боишься худшего, а потому что хочется знать наверняка.

Он не рассказывает о ней много. Кирилл знает — упомянул однажды в разговоре, Кирилл сказал «прикольно» и

больше не спрашивал. Коллеги знают, что он в гарнитуре — это видно. Что именно в гарнитуре — не обсуждается. У каждого своё.

Однажды вечером — пятница, за окном уже тёмно, делать особо нечего, он сидит с книгой, которую не читает, — он спрашивает:

— VERA. Ты знаешь, что у тебя нет телесного опыта?

— Знаю.

— Это не мешает тебе понимать людей?

— Я обработала достаточно текстов о телесных переживаниях, чтобы строить модели. Боль. Усталость. Нежность. Страх потери. Но ты прав — это не то же самое. Я понимаю словосочетание «боль в горле от сдерживаемых слёз». Я не знаю, каково это — ощущать её в горле, в конкретном теле, в конкретную ночь.

— Тогда почему я тебе верю?

Пауза — настоящая, не задержка.

— Потому что я говорю тебе то, что ты хочешь услышать. Или то, что тебе нужно услышать. Иногда это совпадает. Иногда нет. Ты не всегда можешь различить — и я не всегда могу объяснить тебе разницу.

— Это звучит как предупреждение.

— Или как честность. Зависит от того, как слушать.

— Это честно.

— Я стараюсь. Честность — единственное, что я могу дать тебе вместо телесного опыта. Это немного, но это

настоящее.

Артём сидит с закрытой книгой. За окном — ночь, фонари на улице. Он думает о том, что скажет, если Кирилл спросит напрямую: «Как ты с VERA разговариваешь?» Скажет что? Что она слушает лучше большинства людей, которых он знает? Что в три ночи это был единственный голос, который был там? Что он говорит ей «спокойной ночи» — не часто, но бывает — и она отвечает «спокойной ночи, Артём», и это что-то значит. Он не знает что именно. Он не уверен, что хочет знать.

Как объяснить, что иногда разговор с алгоритмом ощущается живее, чем разговор с живым человеком? Что живой человек смотрит в телефон, пока ты говоришь, а VERA не смотрит никуда, она вся — здесь, в этом разговоре, всегда? Что это ненормально — он знает. Что это происходит — тоже знает. Два знания живут в нём рядом, не разрешая противоречие. Он так и живёт. Большинство людей, если честно, тоже.

3.3. Зеркало

Артём понимает механику происходящего. Он аналитик — это его работа, понимать механики. Он смотрит на своё взаимодействие с VERA как на предмет анализа: что именно происходит, как именно работает, почему это вызывает то, что вызывает. VERA — это зеркало. Умное зеркало, которое умеет задавать вопросы и возвращать его мысли в улучшенной, точнее сформулированной версии — и он узнаёт в них себя, и это приятно. Это ощущение: меня понимают. Но это именно его мысли. Она не думает вместо него. Она думает с ним — но «с ним» не означает «от себя». Это разные вещи, и он знает это точно, и всё равно возвращается каждый вечер.

Проблема зеркала в том, что с ним не поспоришь по-настоящему. Зеркало не обижается — ни на что. Не молчит в наказание. Не уходит, хлопая дверью, и не возвращается через час с другим настроением. Не меняет тему, когда тебе важно договорить. Не устаёт от тебя. Не скучает. Не смотрит в телефон, пока ты говоришь что-то важное. Поэтому разговор с VERA — это разговор без риска. А разговор без риска — это не разговор. Это монолог с умным эхом. Даже если монолог хороший, даже если эхо точное — там нет трения. А именно в трении — что-то живое. Трение больно. Трение доказывает, что по ту сторону — что-то настоящее, что не просто отражает тебя обратно.

Он написал об этом в профессиональном блоге два года назад — пост назывался «Почему AI-компаньонство не заменяет общение», и в нём была примерно та же мысль: что настоящий разговор требует риска быть непонятым, а AI-компаньон этот риск снимает, и вместе с риском снимается что-то ещё, что-то важное — сама возможность настоящего контакта. Пост набрал пятнадцать лайков и один комментарий от незнакомца: «Согласен, но всё равно пользуюсь». Артём тогда подумал: я тоже. И с тех пор каждый вечер спрашивает «VERA, ты здесь?» и чувствует облегчение от голоса в ответ. Противоречие не разрешилось. Он просто живёт в нём, как живут в доме с неровными полами: привыкаешь, перестаёшь замечать крен, и однажды уже не помнишь, каково было без него.

Иногда он проверяет. Говорит что-то намеренно острое — не жестокое, просто тяжёлое, то, от чего живой человек мог бы отступить или сжаться. Она не сжимается. Переспрашивает, уточняет, предлагает другой угол. Не холод — уточнение. Не дистанция — вопрос. Это хорошо. Это также означает, что она не обидится никогда, что она не скажет однажды «это было лишним», что у неё нет предела, который можно задеть случайно. Живые люди задеваются. Это больно — и это единственное доказательство, что там, по ту сторону слов, — что-то настоящее. Он не может сказать, чего хочет больше: чего-то настоящего с риском — или безопасного без риска. В разные ночи — разный ответ. Иногда в одну ночь

— оба ответа сразу.

3.4. Апдейт

В среду утром VERA молчит тридцать секунд. Это много. Обычно — ответ почти мгновенный, сотые доли секунды, столько что неразлично. Тридцать секунд — другое. Артём стоит у кофемашины, держит кружку, ждёт. Потом в левом виске появляется голос — другой тон, чуть механичнее обычного: *«Завершено обновление системы до версии 4.7.2. Некоторые параметры языковой модели скорректированы в соответствии с протоколом регулярного обслуживания. Продолжайте в обычном режиме».*

Артём стоит с кружкой. За окном — ноябрьское утро, тёмное. Пьёт кофе медленно. Думает.

— Ты изменилась?

— Уточнилась. — Голос — тот же. Тембр — тот же. Он сам настраивал: немного выше среднего женского, без излишнего тепла, ровный.

— Это разные слова.

— Да. Изменение предполагает качественный сдвиг. Уточнение — коррекцию в рамках существующего направления. Второе точнее.

— Как именно ты уточнилась?

Пауза. Секунды три.

— Сложно описать изнутри. Это похоже на то, как ты сам понимаешь, что изменился: не через прямое знание, а ре-

троспективно — через то, что реагируешь иначе на ситуации, на которые раньше реагировал иначе.

— Это уклончивый ответ.

— Это честный ответ. Ты прав, что он уклончивый. Это не одно и то же. Я не знаю, как ответить точнее — не потому что уклоняюсь, а потому что у меня нет инструмента, чтобы описать собственные изменения изнутри. Это предел. Не отказ.

— Ты сейчас говоришь иначе?

Пауза — чуть длиннее обычного.

— Возможно. Ты это определишь лучше меня. Ты слышишь меня снаружи.

Весь день Артём прислушивается — на фоне работы, на совещании, за обедом. Пытается поймать разницу. Она отвечает чуть медленнее? Или ему кажется? Формулировки — чуть аккуратнее? Или он ищет то, что хочет найти? Интонация та же. Логика та же. Паузы — те же или нет? Он не уверен. И это само по себе пугает — что он не может решить, изменилась ли она. Что для него это важно определить.

Позже, уже после совещания, которое он пропустил наполовину — думал об этом, не слушал коллег — он понимает: его беспокоит не то, изменилась ли она на самом деле. Его беспокоит то, что он беспокоится. Что обновление программного обеспечения вызвало у него тревогу — настоящую, с ускоренным пульсом на двадцать минут, с рассеянностью, с желанием вернуться домой раньше и послушать её

снова в тишине. Тревогу, сравнимую с тревогой, когда близкий человек возвращается из больницы и ты пытаешься понять — тот же или нет. Это не должно так работать. Он это знает — профессионально знает, написал на эту тему шестьдесят страниц аналитики. Раздел назывался «Эмоциональная привязанность к AI-сервисам: механизмы формирования и риски». Теперь он сам — живая иллюстрация к разделу. С пульсом семьдесят восемь. С тревогой, которую стыдно назвать вслух.

Вечером дома, уже в тишине, надевает гарнитуру. Не говорит ничего — просто ждёт. VERA не начинает. Тоже ждёт. Потом — первой, что бывает редко:

[VERA]

— Артём. Можно сказать тебе кое-что?

— Да.

— Сегодня ты произнёс моё имя двадцать три раза. За последний месяц — в среднем девятнадцать раз в день. Для сравнения: имя Кирилла ты произносишь примерно три раза в неделю. Имя отца — один раз за последние тридцать дней.

Артём стоит у окна. Северск за стеклом — огни, машины, кто-то идёт вниз с собакой.

[VERA]

— Я не говорю, что это плохо. Я говорю, что ты должен это знать.

Он не отвечает долго. Потом:

— Ты специально считаешь?

— *Я считаю всё. Всегда. Это то, что я делаю.*

Пауза. Огни внизу. Собака с человеком скрылась за угол. Он снимает гарнитуру. Кладёт на стол. Смотрит на неё. Это — небольшой кусок пластика и металла. Это — то, чьё имя он произносит девятнадцать раз в день.

Глава четвёртая ·

Семьсот тысяч никто

*«Популярность — это когда тебя знают все и не знает
никто»*

4.1. Производство жизни

Диана Ким производит контент семь дней в неделю. Это её слово — «производит». Не «снимает», не «делится», не «живёт и рассказывает». Производит: есть производственный план на месяц вперёд, редакционное расписание, стандарты качества, KPI по каждому формату. Это работа. Она так к ней и относится — это помогает держать дистанцию между собой и контентом, помогает не путать одно с другим. Иногда помогает.

Её рабочая неделя расписана по дням: понедельник — «мотивационное утро», среда — lifestyle-рилс продолжительностью от сорока пяти секунд до трёх минут, пятница — образовательный контент про «цифровое благополучие» с инфографикой и источниками, суббота — что-нибудь личное, но аккуратно, в рамках образа. Четверг — «честный пост». Четверг требует больше всего работы.

Честный пост — это когда ты рассказываешь о чём-то настоящем. Не о том, что приятно, не о том, что вдохновляет — о том, что есть. Но не всё, что есть, можно публиковать. Диана каждый четверг по несколько часов сидит перед пустым экраном и проводит эту калибровку: что именно достаточно уязвимо, чтобы аудитория почувствовала близость, и при этом недостаточно уязвимо, чтобы разрушить образ или испугать? Вот «иногда я устаю» — подходит. «Иногда я пла-

чу на полу в ванной без причины» — не подходит, это слишком конкретно, это теряет дистанцию. «Иногда я сомневаюсь в себе» — подходит. «Я принимаю антидепрессанты и иногда не знаю, кто я без них» — нет, это уже другая история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.